

* * *

29 декабря 1962 г. в числе заключенных Рязанской тюрьмы был рабочий В. Г. Огарев 1927 г. р., который, по материалам следствия, «слушал зарубежные радиопередачи, 3 марта 1962 г. расклеил две листовки, призываю голосовать против кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, создавать подпольные кружки для борьбы с советским строем:

„Вот уже 17 лет прошло с конца войны и 9 лет со дня смерти Сталина, а жизнь все не улучшается. Правительство Хрущева зашло в тупик, из которого выхода нет. Оно не может обеспечить высокий жизненный уровень народа, а наоборот все ухудшается...“

28 декабря 1960 г. В. Г. Огарев послал письмо с антисоветскими стихами на радиостанцию «Свобода»¹⁰⁴.

Советский тюремный пропагандистский плакат, ок. 1960 г.

* * *

Из воспоминаний Юрия Вудки¹⁰⁵: «<...> В 1969 г. КГБшная „Волга“ повезла меня в старую Рязанскую городскую тюрьму, выстроенную в екатерининском стиле. Меня втолкнули в бокс и захлопнули дверь. Это было узкое вытянутое помещение со скамейкой, парашей и лампочкой. Негде было повернуться. В дверях — застекленный глазок, наружная крышка которого иногда поворачивается... Стены беспорядочно заляпаны цементом. <...>

Заскрежетал ключ. Я открыл глаза и встал. Вывели, раздели, тщательно ошмонали, составили протокол, приказали одеться и повели в баню. Баня стояла возле высокого забора, огораживающего тюремный двор. Все было опутано колючей проволокой и сигнализацией. Вышка, вспаханная полоса. В бане остригли наголо. Только когда волосы падали ко мне на колени, я по-настоящему осознал, что старая жизнь кончена...

Тюремные лестницы, коридоры, надзиратели со скрежещущими и звякающими ключами.

¹⁰⁴ Там же. Д. 95926.

¹⁰⁵ Юрий Вудка, студент Рязанского радиотехнического института, в 1969 г. был осужден к 7 годам лишения свободы по делу о молодежной антисоветской организации. Подробнее о «деле Вудки» и других см. статью «Радиотехническая академия» в настоящем издании путеводителя.

В карцере Рязанской тюрьмы. Рис. Виктора Богуславского, ок. 1983 г.

Камера <...>. Кто-то предлагає мне глинистый хлеб. Есть кровать с грязным матрасом и одеялом. <...>

В тюрьме норма жилплощади — два с половиной квадратных метра на человека (как на кладбище), но и это не всегда соблюдается. Питание отвратительное, первое время есть его невозможно. Шаткие, скрипучие кровати стоят друг на друге в два яруса. Окошко забрано изнутри решеткой, а снаружи — густые железные жалюзи, так что увидеть из него невозможно ничего, кроме узких полосок неба. Весь день горит лампа. На ночь ее выключают, но зажигают другую, более слабую. Юмористы называют эти подследователевые светильники „лампочкой Ильича“.

На прогулку выводят раз в день, продолжительность —

один час. Прогулочные дворики представляют собой ряд сплошных каменных коробок с решеткой вместо крыши. Посреди двора — скамейка. Он закрывается на ключ, в железной двери глазок, площадь двора зачастую еще меньше камеры. Зато в него проникает воздух и солнце, а по дороге можно незаметно прикоснуться к траве или увидеть деревья за забором. Сам двор заасфальтирован, в нем нет ни травинки.

<...> Одиночное заключение — тоже пытка, но и постоянная тесная скученность, тем более с растленными уголовниками, тоже давит на психику. Кроме того, в любой момент может приоткрыться глазок, и недремлющее око уставится на тебя сквозь стекло.

<...> Антисанитария невероятная. <...> Каждая физиологическая потребность человека искусственно превращается в орудие издевательства над ним.

Еще одна пытка — радио. В камере нет выключателя, и радио орет от подъема до отбоя. Уголовникам это даже нравится: помогает забыться, выбивает из головы мучительные мысли. Но для интеллекта такое круглосуточное нагнетание идиотизма невыносимо.

Плюс уголовное окружение, нередко сотрудничающее с властями. Чекистам можно в такой обстановке давить на зеков: быстрее, быстрее, кончайте следствие, уезжайте в лагерь! Все равно мы все узнаем или уже знаем! Пойдем вам навстречу, дадим ничтожный срок, сразу выпустим, амнистируем — только говорите, говорите побольше и по-быстрее — для вашего же блага! Неужели вам еще не надоела эта тюрьма? <...> Это ведь только профилактика — чтобы вы не занимались глупостями. Сами же будете нас потом благодарить. Подумайте о своей матери, ребенке, возлюбленной! Вы, вы сами делаете их несчастными! Вы свою больную мать доведете до могилы! Говорите, скорее говорите и идите к ней!

А вокруг только подспеловатый полумрак, мертвые стены, цемент и железо, горький хлеб по соседству со зловонной парашей, час за часом, месяц за месяцем... А где-то ослепительное летнее солнце заливает пляжи, кружатся роскошные листья осени, мерцают в лунном сиянии снежные просторы, пробиваются весенние травы...

<...> „Помогающие следствию“ уголовники тоже давят по-своему: одни, пользуясь полнейшей неосведомленностью слушателя, убеждают его, что только от него одного зависит „гуманный“ подход к нему и к остальным; другие угрожают, шантажируют, иногда бьют „предателя“, посягнувшего на святость империи.

<...> В тюрьме открывается жуткий, ирреальный мир, дотоле скрытый от глаз, как преисподня. Выясняется, что вся страна покрыта сетью концлагерей — на север и на восток все гуще и страшнее... Вдруг узнаешь, что едва ли не в каждой семье кто-то сидит или сидел. <...>

Сидел я тогда уже в башне, в маленькой сводчатой камере с круглым окошком, к дверям которой надо взбираться по железной лестнице. Камера была крохотной, но радиорупор, защищенный железом и вделанный в стену, был очень большим

Рязанская тюрьма.
Рис. Виктора Богуславского,
ок. 1983 г.

Рязанская тюрьма.
Рис. Виктора Богуславского,
ок. 1983 г.

и невыносимо пронзительным. Раскалывалась голова. Гулкое эхо от сводов превращало камеру в сплошной резонатор. Даже уголовники не выдерживали и вместе со мной железными крючьями от кровати пытались сломать это пыточное орудие. Мы возликовали, когда кому-то это удалось. <...> В тот же день за „поломку радио“ опер отправил меня в карцер, хотя никаких официальных данных о моей „вине“ не было. <...>

Как-то я догадался нарисовать на дверях прогулочно-го дворика, исписанных и изрезанных сплошь, звезду Да-вида, в центре которой напи-сал номер своей камеры. Че-рез несколько дней углы звезды наполнились номерами ка-мер моих товарищей. Я уже на-чинал ориентироваться в рас-положении камер, и мне ста-новилось ясно, что нас раз-брасывают по разным углам разных этажей тюрьмы, что-бы связь была исключена. <...>

Баня — маленький праздник — водят ведь раз в десять дней, да еще воруют дни при межкамерных перетасовках. <...> Нам приходится ждать, пока „парикмахер“ стрижет головы тех, у ко-го волосы отросли на сантиметр. Без дезинфекции, всех одной машинкой. Выводят и усаживают рядом с нами еще одного че-ловека — этапного. <...>

Банщик, скучая, скалится на меня:

— Что, близок локоть, да не укусишь, крепка наша власть!

— Всему свое время.

— А ты, начальник, гнило-ой! — неожиданно присматри-вается к нему этапный. И правда, весь он какой-то хлипкий, источенный злобностью.

— Прогниешь тут с вами, — ворчит „начальник“ и отво-рачивается.

— Ты что, политический? — тихо спрашивает меня новенький.

— Да.

— Я тоже. Раньше был. Теперь за массовые беспорядки в лагерях переведен в „бандиты“. Еду из „крытой“ в мордовские лагеря... <...>

Не успели мы намылиться, как мент (гнилой) начал стучать в дверь и пронзительно орать:

— Кончайте, кончайте, времяя, выходите! <...>

Грохают ключи в железную дверь: „Все собирайтесь с вещами!“ Этап! Ура! <...> В голове крутится видоизмененный стих раннего Маяковского: „Хорошо, когда в зековский ватник душа от осмотров укутана“. Настроение тревожное, приподнятое. Идем со своими вещами по коридорам Рязанской тюрьмы. В последний раз...

Какая память о нас останется в этом городе? <...>»¹⁰⁶

* * *

В 1974 г. в Рязанской тюрьме содержался юрист Иван Филаретович Данилюк 1933 г. р. По данным следствия, «Данилюк в 1971–1974 гг. слушал и пересказывал передачи зарубежных радиостанций, написал и распространял статьи „К суду уголовному“, „От Иосифа до Леонида“, „Мера подлости“, „Открытое письмо в ЦК КПСС“, „Открытое письмо президенту Академии наук СССР Келдышу М. В.“ (об А. Д. Сахарове) и другие. В статьях критиковал советскую действительность»¹⁰⁷.

И. Ф. Данилюк был осужден на три года лишения свободы. Реабилитирован 25 января 1989 г.¹⁰⁸.

* * *

Вспоминает бывший политзаключенный Давид Бердзенишвили¹⁰⁹: «В 1984-м в Рязанской пересыпочной тюрьме (чуть ли еще не при Екатерине II построенной) мы с братом попали в камеру к уголовникам. Думаю, по недогляду начальства. Ведь

¹⁰⁶ Будка Ю. Московщина. Израиль : Мория, 1984. С. 9–48.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 36. Д. 9419.

¹⁰⁸ Архив Рязанского общества «Мемориал».

¹⁰⁹ 18 августа 1978 г. советский диссидент Звиад Гамсахурдия выступил по телевизору с покаянной речью. Через три дня братья Леван и Давид Бердзенишвили с друзьями основали нелегальную «Республиканскую партию Грузии». И занялись самиздатом. В 1983 г. Давида и Левана Бердзенишвили арестовали. Давид провел два года в мордовских лагерях, Леван — три года.